

© 2003 г.

В. С. Ленская

АФИНСКИЙ РОД КОДРИДОВ

Род Кодридов, один из самых известных афинских родов, уходит корнями в микенскую древность, хотя и не афинскую, а пилосскую. Царская власть в Афинах, по традиции, восходит к мифическим временам Кекропа, Иона и Тезея (Herod. VIII. 44; Arist. Ath. pol. 3. 2). В народной памяти сохранилось воспоминание о ее древности: Аристотель пишет, что она была «унаследована от отцов» (Ath. pol. 3. 2)¹. По преданию, царскую власть в Афинах после Тезея сохранили его потомки до четвертого колена (Paus. I. 3. 3). Потом царская власть перешла к Меланту Нелеиду, выходцу из Пилоса (FGtH. Hell. fr. 23; Paus. VII. 1. 9, Strabo. XIV. 1. 3), и его сыну Кодру, бывшему, по традиции, последним афинским царем.

С именем Кодра у афинян связана красивая легенда о самопожертвовании царя. Вторгшиеся в Аттику дорийцы получили предсказание дельфийского оракула, что потерпят поражение в случае гибели афинского царя. Узнав об этом, Кодр переоделся нищим, вышел за городские ворота, завязал драку с врагами и был убит. Тогда дорийцы, помня предсказание оракула, сняли осаду и ушли из Аттики (FGtH. Hell. fr. 23; Lyc. In Leocr. 84–87; Paus. VII. 25. 2). До времен Павсания афиняне сохранили культ Кодра – у Акрополя находился героон Кодра (Poliaen. Strateg. I. 18) и показывали место его гибели (Paus. I. 19. 6). В 60-х годах XIX в. археологи нашли у подошвы Акрополя надпись, посвященную Кодру (IG II². 4258): «Вот место падения Кодра, сына Меланта, чужеземца, послужившего защитой для великой Аттиды. Тело его народ афинский похоронил, перенес его к подошве Акрополя, и стал возносить славу его до бессмертных богов» Κόδρου τοῦτο πέσημα Μελανθείδαο (ἀνακτος) ζεῖνε τὸ καὶ μεγάλην Ἀκτιδα τεχίσατο(ο) σώμα δ' ὑπ' ἀκροπόλῃ φέρων τάρχυσεν (Ἀθήνης) λαὸς ἐς ἀθανάτους δόξαν ἀειράμενον. Надпись датируется II–III вв. н.э.² и, вероятно, она заменила более древний памятник³. Легенда о Кодре была очень популярна у афинян, так что ее передавали самые различные авторы вплоть до кон-

¹ См. мифы о первых аттических царях-автохтонах Кекропе, Кранае, Эрихтении (Apollocl. III. 14. 1, 5–7; Paus. I. 2. 6), отразившие представления об исконности власти аттических царей, получивших власть от земли.

² Так датирует К.Е. Люгебиль; в SIG предлагается несколько иная датировка – первая половина I в. н.э., время правления Августа.

³ Люгебиль К.Е. Историко-филологические исследования. СПб., 1868. С. 10–11: «Вероятно ли, чтобы афиняне в столь поздние времена вздумали соорудить памятник герою-царю, коего древность так же вошла в поговорку, как и слава его рода (πρεσβύτερος или ἀρχαιότερος Κόδρου), на том месте, где он пал с лишком тысяча лет тому назад, если бы там не был уже прежде памятник?». Именно этот памятник видел, вероятно, Павсаний на берегу Иллисса (I. 19. 6); в более поздние времена его могли вместе с другими большими камнями перенести к Акрополю, где он и был обнаружен археологами.

ца римской эпохи⁴. Кодр был поистине народным героем: в Афинах и в Дельфах ему стояли памятники, бытовала поговорка εὐγενέστερος Κοδδρου (Suid. s. v.).

Сыном Кодра, по традиции, был Медонт, так что царский род одни именуют Кодридами (Arist. Ath. pol. fr. 7), другие – Медонтидами (Paus. IV. 5. 10).

Заметим, что одним из пилосских царей был мудрейший Нестор (Paus. II. 18. 9; Strabo. IX. 1. 7; Homer. Passim), вечный наставник и примиритель горячих ахейских вождей, – не от него ли род генетически хранил государственную мудрость и философское мышление, дав таких ярких мудрецов, как Солон и Платон? Во всяком случае, почти все Кодриды имели склонность к философии и поэзии, что заметил еще Платон: «Ведь он, – пишет Платон о Хармиде, своем родственнике и участнике многих диалогов, – философ, а также... обладает большим поэтическим даром... Этот прекрасный дар, милый Критий... присущ вам всем издавна благодаря родству вашему с Солоном» (Plato. Charm. 155a).

Первым исторически засвидетельствованным Кодридом был Солон – род Солона, как было всем известно, восходил к Нелею (Herod. V. 653; Plut. Sol. 1. 2; Diog. Laert. III. 1). Отцом Солона считают некоего Эксекестида (Plut. Sol. 1), но кроме имени мы о нем ничего не знаем. Солон связан родственными узами с линией Дропидов-Критиев. Согласно Платону, родственником и близким другом Солона (οἰκείος καὶ σφόδρα φίλος) (Tim. 20e) был архонт Дропид, исполнявший свою должность после Солона (Philostr. Vit. Soph. I. 16. 2)⁵; по Диогену, этот Дропид – брат Солона (Diog. Laert. III. 1), а следовательно, сын Эксекестида. То же самое читаем в схолиях к Платону у Прокла (Scholia Procli ad Plato. Tim. 424): «У Эксекестида было два сына, Солон и Дропид» и у Либания: «Дропид, брат Солона» (Declam. XIV. 8). К сожалению, мы не можем полностью восстановить эту родственную линию и обозначить точную генеалогическую связь Солона с линией Дропидов-Критиев, но, несомненно, все они были близкими родственниками и считали себя потомками Кодра. Указанный выше Дропид был, по принятой схеме, Дропидом II. Дропидом I считается архонт 645/4 г.⁶ Сыном его был Критий I, архонт 600/599 г.⁷, и, по мнению некоторых, Дропид П⁸ (другая версия, как говорилось выше, делает этого Дропида братом Солона и сыном Эксекестида).

Сыном Дропида II был Критий II, упомянутый в одной из элегий Солона (Sol. fr. 18): Солон призывает его повиноваться отцу. Этот Критий в платоновском «Тимее» назван дедом тирана Крития (Tim. 20e). Диоген также, вероятно, следуя Платону, делает Крития II дедом тирана Крития: «У Солона был брат Дропид, у того – сын Критий, у того – Каллесхр, у того – Критий (из Тридцати тиранов)» (Diog. Laert. III. 1). Однако, по единодушному мнению ученых, он никак не мог быть дедом тирана, родившегося в середине V в., даже если принять невероятное долголетие Крития II⁹. Дж. Дейвис объясняет это простым пренебрежением Платона к точным историческим фактам. Прадедом тирана Крития считают Дропида III¹⁰, а дедом – сына Дропида III Крития III, которого Платон отождествил с Критием II¹¹. Во всяком случае, так соблюдается хро-

⁴ Herod. V. 76; FGrH. Hell. fr. 23; Lyc. In Leocr. 84-87; Schol. ad Dem. 312; Cic. Tuscul. Disput. 1. 116; Vell. Pat. 1. 22; Val. Max. V. 6; Paus. I. 19. 5; Euseb. Chronica. 1. 181-190. В настоящей статье не ставится задача реставрации «царского периода» и анализа мифологических свидетельств об этом времени. Рассмотрение генеалогии рода Кодридов начинается с «исторических» личностей. Однако восхождение членов этого рода к Меланту и Кодру не ставится автором под сомнение (так же как не ставится под сомнение существование этих царей). Я полагаю, что составить вымышленную генеалогию, восходящую к таким крупным лицам, в обстановке, когда каждая более или менее состоятельная или чем-то выдающаяся семья была на виду всего немногочисленного афинского общества, – дело практически невозможное. Народная память, на мой взгляд, – пока еще недооцененный нами фактор реконструкции событий, и именно она должна растопить тот лед недоверия, который образовался вокруг событий бесписьменного периода истории.

⁵ Kirchner J. Dropides // RE. Bd 5. Sp. 1720.

⁶ Cadoux T.J. The Athenian Archons from Kreon to Hypsichides // JHS. 1948. 68. P. 90.

⁷ Ibid. P. 92.

⁸ Kirchner. Dropides.

⁹ Ibid.; Davies J.K. Athenian Propertied Families. 600-300 B.C. Oxf., 1971. P. 322.

¹⁰ Kirchner. Dropides.

¹¹ Ibid.

нология¹². Датой рождения Крития III считают приблизительно 540 г.¹³ Этот Критий был возлюбленным поэта Анакреонта, который приехал в Афины Κρίτου ἑρῶν (Schol. Aesch. P. V. 128), противником политики Фемистокла и кандидатом для остракизма в 480 г.¹⁴

Критий II имел двух сыновей, Каллесхра и Главкона. Каллесхр родился около 500¹⁵ или 490 г.¹⁶ О нем почти ничего не известно, кроме того, что какой-то Каллесхр был назван Лисием одним из лидеров 400 (Lys. XII. 66). Обычно этого Каллесхра отождествляют с нашим¹⁷. Дейвис, правда, предлагает другую кандидатуру, полагая, что в 411 г. наш Каллесхр был слишком дряхлым¹⁸, но я думаю, учитывая общий аристократический настрой семьи и образ мыслей сына Каллесхра Крития, лидера 30 тиранов, что Каллесхр в 80-летнем возрасте мог быть в олигархическом правительстве. Каллесхр вошел в историю как отец тирана Крития (ок. 460–403 гг.), который в нашей генеалогии выступает как Критий IV. Этот Критий, личность незаурядная и противоречивая, был известен среди современников как образованнейший человек, софист и поэт, ученик Сократа и участник многих диалогов Платона, с одной стороны, и как корыстолюбивый и кровожадный олигарх – с другой (Хен. Мем. I. 2.12). Критий был убит в 403 г. в сражении с Пирейской партией при Мунихии. Из его ближайших родственников нам известен Κρίτου κηδεστής (шурин) Гагнор, также член Олигархии 30 (Lys. XIII. 55).

Родным братом Каллесхра был Главкон¹⁹. О нем самом никаких сведений не сохранилось. Главкон женился на женщине, о которой мы знаем, что она была сестрой Пирилампа, сына Антифонта²⁰. Таким образом, Антифонт был его тестем, а Пирилампа – шурином. Род обоих неизвестен. Этот же Пирилампа был вторым мужем дочери Главкона, отцом ее пятого ребенка, Антифонта, названного в честь деда. Пирилампа упоминает Платон: «Никто на земле не слывет более красивым и статным мужем, чем дядя твой Пирилампа, многократно ездивший к Великому царю и другим правителям» (Charm. 158a). Плутарх называет Пирилампа другом Перикла: «Комики... смеялись над Пирилампом, разведившим птиц, и говорили, что он по дружбе с Периклом потихоньку посылает павлинов в подарок женщинам, с которыми Перикл находится в близких отношениях» (Per. XIII). Дейвис считает, что Пирилампа вывез павлинов из Персии, где он часто бывал, и что, будучи молодым коллегой Каллия, он был одним из афинских послов, достигших мира в 449 г.²¹

Пирилампа имел двух сыновей. Сын от первой жены, Демос, упоминается у Аристофана: «Сын Пирилампа Демос – красавец» (Vesp. 98), у Лисия: «Демос, Пирилампов сын, попросил меня сходить к Аристофану, он говорил, что получил от великого царя золотую чашу в знак расположения и хочет под залог ее получить 16 мин, чтобы употребить их на снаряжение триеры» (Lys. XIX. 25), у Платона: «Калликл, мы оба влюблены: ты – в Демоса, сына Пирилампа...» (Plato. Gorg. 481d). Вторым браком Пирилампа был женат на Периктионе, дочери Главкона I, которая после смерти первого мужа и отца ее четверых детей вышла замуж за своего дядю по матери Пирилампа и родила ему Антифонта (Plato. Parm. 126b; Procl. Comm. in Plato. Parm. II. 67). Этот Антифонт упомянут у Платона как любитель философии и лошадей: «Антифонт часто встречается с приятелем Зенона неким Пифидором и знает на память ту беседу, которую вели однажды Сократ, Зенон и Парменид... Антифонт в юности основательно ее усвоил, хотя теперь-то он, по примеру своего деда и тезки, занимается главным образом лошадьми» (Charm. 126a-c).

¹² Впрочем, есть версия, что отцом Крития III был не Дропид III, а некий Леайд (вероятно, брат Дропида III); см. *Davies. Athenian Propertied...* P. 326. Но это не играет большой роли.

¹³ *Kirchner J. Prosopographia Attica. B., 1901. Bd I (далее – PA). S. 592.*

¹⁴ *Davies. Athenian Propertied...* P. 326.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Kirchner. PA. 7758.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Davies. Athenian Propertied...* P. 327.

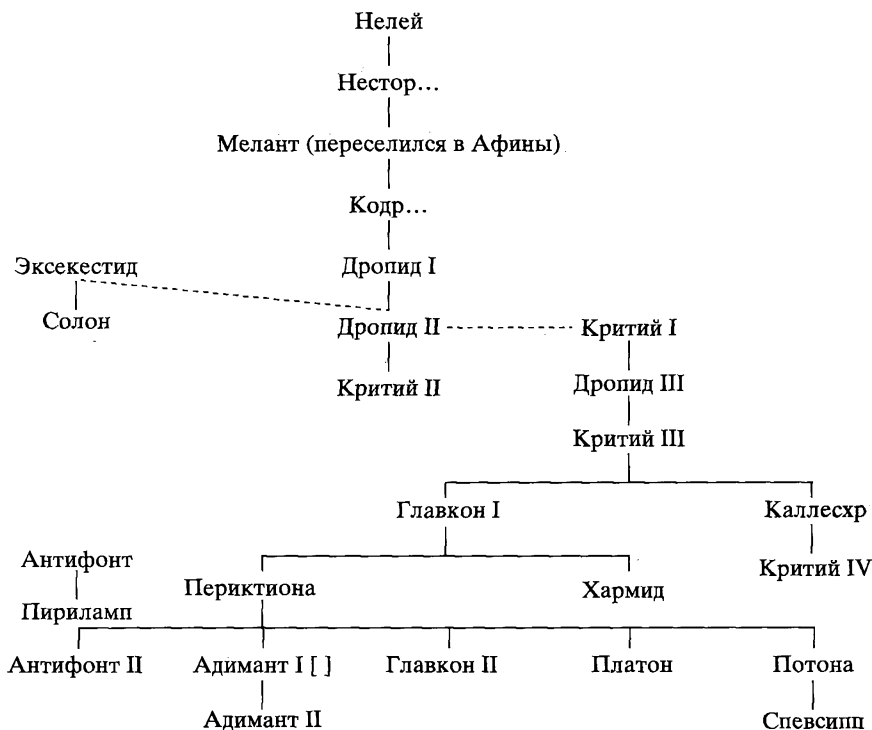
¹⁹ *Kirchner. PA. 3013.*

²⁰ *Ibid. 12493.*

²¹ *Davies. Athenian Propertied...* P. 330.

Главкон имел двух детей. Сын Хармид был учеником Сократа, участником платоновских диалогов. Как и многие Кодриды, он обладал поэтическим даром и отличался необыкновенной красотой (Plato. Charm. 154d, 155a), но предпочитал уклоняться от общественной деятельности: «Видя, что Хармид, сын Главкона, человек достойный и по своим способностям стоявший гораздо выше политиков того времени, не решается, однако, выступать оратором в Народном собрании и заниматься государственными делами, Сократ обратился к нему...» (Xen. Mem. III. 7). Вероятно, Хармид был представителем того слоя аристократии, который находился в оппозиции к демократическому строю Афин послепериклова времени и отошел в частную жизнь. Впоследствии Хармид принял-таки участие в политической борьбе – он сражался на стороне 30 олигархов, пытавшихся установить законы «в духе старины» (Xen. Hell. II. 3.2) и погиб вместе с Критием (ibid. 4. 19). Опекуном Хармида до его совершеннолетия был его кузен Критий, будущий олигарх (Plato. Charm. 155a).

Дочь Главкона Периктиона родила от своего первого мужа, Аристокла, сына Аристокла из Коллита, четырех детей: трех сыновей – Адиманта, Главкона II и будущего философа Платона (названного в честь деда Аристоклом) и дочь Потону. Ее муж Аристон, вероятно, приходился ей каким-то дальним родственником, так как Диоген Лазертский сохранил традицию, что «и отец его (Платона. – В.Л.) происходил от Кодра и Меланта» (Diog. Laert. III. 1; Apul. Dogm. Plat. I. 1)²². Таким образом, Платон был Кодридом и по отцовской, и по материнской линии. Братья Платона Адимант и Главкон участвовали в диалогах, особенно в его «Государстве» и, по-видимому, высоко ценились философом за прекрасные качества (Plato. Resp. 368a). Сестра Платона Потона стала матерью Спевсиппа, ученика Платона, возглавившего Академию после его смерти (Diog. Laert. III. 4). Внучатым племянником Платона был, по-видимому, юный Адимант, которому Платон завещал одно из своих имений (Diog. Laert. III. 41), – вероятно, внук Адиманта I²³, последний известный нам из этого рода. Таким образом, схематически генеалогическое древо Кодридов можно представить себе следующим образом:

²² См. также Toepffer J. Attische Genealogie. В., 1889. S. 234; Kirchner. PA. 2160.

²³ Davies. Athenian Propertied... P. 332.

Потомком Кодра считал себя и Писистрат (Herod. V. 65; Diog. Laert. I. 53); известно также, что матери Солон и Писистрата были кузинами. Таким образом, Кодриды были родственно близки роду Писистрата²⁴.

Итак, все рассмотренные выше члены рода Кодридов – люди незаурядные. Кодриды дали государству выдающихся государственных деятелей и знаменитых философов, просто государственных деятелей и просто любителей философии, – но всегда ярких личностей, оставивших о себе память в истории. Все они имели возможность, в силу своего происхождения, получить блестящее образование, которое открывало им дорогу к любой избранной цели – будь то руководство государством или созерцательная жизнь философа, благо что фамильное состояние позволяло вести такую жизнь²⁵. Сократ у Платона, обращаясь к своему слушателю Хармиду, так отзывается о его роде: «Никто из присутствующих здесь не смог бы легко указать, какие два афинских семейства, соединившись, естественно произвели бы на свет более доблестное и знатное потомство, чем то, из которых ты производишь. Ведь по отцу твоя семья ведет твой род от Крития, сына Дропида, прославленного Анакреонтом, Солон и многими другими поэтами (так гласит предание) за свою красоту и добродетель и многие так называемые дары богов. И со стороны матери у тебя то же самое: никто на земле не слышит более красивым и статным мужем, чем дядя твой Пириламп, многократно ездивший послом к Великому царю и другим правителям; да и вся семья ни в чем не уступает никакому другому роду» (Charm. 157–158; пер. С.Я. Шейнман-Топштейн)²⁶.

Правя в Афинах с древнейших времен Кодриды, естественно, владели землями в самом «престижном» и плодородном районе, занятом поместьями знати – в Педиэе, в долине Кефиса: нам известно о двух поместьях Платона в долине Кефиса (Diog. Laert. III. 20); есть также упоминание об аттических имениях его дяди Хармида (Xen. Symp. IV. 3). Нам также известно об их заграничных владениях: так, Хармид имел поместья за пределами Аттики, которых он лишился в результате Пелопоннесской войны (Xen. Symp. IV. 31). Отец Платона Аристон был приписан к Коллиту, городскому дему рядом с Акрополем²⁷. Район Акрополя – наиболее древний район первоначальных Афин, район аристократических кварталов эвпатридов (что может косвенно подтвердить традицию о принадлежности Аристона к роду Кодридов²⁸).

²⁴ У Диогена Лаэртского в письме Писистрата к Солону (безусловно, вымышленном, но имеющим в основе какие-то ранние источники) читаем: «Я из потомков Кодра; я лишь вернул себе то, что афиняне обещали воздавать Кодру и его роду, но не сдержали обещания» (Diog. Laert. I. 53).

²⁵ О состоянии Платона можно судить по завещанию, приведенному у Диогена Лаэртского (III. 41–43): два поместья в долине Кефиса, 600 драхм в деньгах, серебряная и золотая утварь, мебель, 5 рабов. Состояние немалое, хотя и не огромное: известно, что участок в Академии ему был куплен за 2000 или 3000 драхм неким Анникеридом (*Plut. Moral.* 603b; *Diog. Laert.* III. 20), что его финансировали, когда он был хорегом (*Diog. Laert.* III. 3; *Plut. Agistid.* I. 4).

²⁶ Древний род, богатство, знатные и влиятельные родственники, доблесть предков – все эти составляющие и в демократических Афинах приносили аристократу славу и почет, о чем открыто пишет Платон. Знатные юноши нередко спорили о том, чей род знатнее (*Plato. Lys.* 207c), некоторые семьи гордились «списками в 25 предков» (*Plato. Theaet.* 174e). Вероятно, теория «природного превосходства» была *communis opinio* среди знати, и Платон, по рождению принадлежа к этой среде, отчасти разделял ее. Правда, можно заметить, что подобные рассуждения встречаются в основном в первый, «сократический» период творчества Платона. Уже в «Меноне» Сократ пытается доказать собеседникам, что доблесть и добродетель нельзя ни передать по наследству, ни воспринять от другого. «Нет добродетели ни от природы, ни от учения, и если она кому достанется, то лишь по божественному уделу, помимо разума» (Men. 99e). Подробнее об этом см. *Ленская В.С. Платон – афинский аристократ // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2002. С. 331–332.*

²⁷ *Kirchner.* PA. 2160.

²⁸ Сохранилось документальное свидетельство – надпись V в. до н.э., найденная у подножия Акрополя, вырезанная, должно быть, на ограничительном столбе и свидетельствующая о принадлежности земли Медонтидам (*Toepffer.* Op. cit. S. 229).

Какое Кодриды получали образование, мы можем видеть на примере Платона, будущего великого философа, но сначала, конечно, типичного юного аристократа. Сохранилось свидетельство Апулея (опиравшегося на данные Спевсиппа, племянника философа) о том, что будучи юношей, Платон носил золотую серьгу – знак благородного происхождения (Apuł. Dogm. Plat. IV). Платон учился грамоте у грамматиста Дионисия, в школе которого обучались сыновья знатных родителей (Diog. Laert. III. 4; Plato. Amator. 132a), занимался гимнастикой у борца Аристона из Аргоса и даже, по словам некоторых, выступал борцом на Истмийских играх, учился живописи (Diog. Laert. III. 5), музыке, сочинял стихи (до нас дошло 25 его эпиграмм), усиленно изучал философию сначала у софистов, потом у Сократа. Подобное же образование получили, безусловно, его братья, также входившие в окружение Сократа (Платон восхищался природными задатками своих братьев и именно их сделал собеседниками Сократа в своем «Государстве» (Resp. II. 368), и его дядя, известные ученики Сократа Хармид и Критий, и его племянник Спевсипп, принявший от Платона его школу в Академии, да и все другие представители этого талантливого рода.

Знания и мудрость передавались также по наследству: так, Критий у Платона рассказывает о своих беседах с дедом: «Все (о путешествии Солона в Египет. – В.Л.) было мною выслушано с детской радостью, старец так охотно любил меня поучать» (Tim. 26c). В семье Критиев хранилась рукопись Солона об Атлантиде (Plato. Crit. 113), да, вероятно, и многие другие труды этого знаменитого предка, которыми зачитывались и на которых воспитывались его внуки и правнуки. Так, Критий у Платона говорит: «Записи эти находились у моего деда и до сей поры находятся у меня, и я прилежно прочитал их еще ребенком» (Crit. 113).

Кодриды много путешествовали. Солон в молодости странствовал, занимаясь торговлей (Plut. Sol. II), в старости же, покинув Афины на 10 лет, жил в Египте, где изучал у жрецов оккультные знания, на Кипре, в Лидии (Plut. Sol. XXVI). Связанные с Кодридами узамы родства Пирилампа и его сын Демос часто ездили с дипломатической миссией в Персию и другие страны (Plato. Charm. 158; Lys. XIX. 25). Олигарх Критий, изгнанный в 407 г. из Афин, жил в Фессалии, где также пытался быть активным политиком и, безусловно, бывал в других греческих государствах, в частности в Спарте: нам известно, что он был автором «Лакедемонской» и «Фессалийской» политий. Платон после смерти Сократа «...переехал в Мегары к Евклиду; потом поехал в Кирену к математику Феодору; оттуда – в Италию, к пифагорейцам Филолаю и Евриту; оттуда – в Египет к вещателям» (Diog. Laert. III. 6). Платон также трижды ездил к тиранам как «просветитель», хотя и неудачно (ibid. III. 18–23). Из своих путешествий жизнелюбивые дипломаты Пирилампа и Демос вывозили заморские чудеса – павлинов, золотые чаши, философы Солон и Платон – многовековую мудрость и мистические знания. Оба философа пытались написать историю об Атлантиде, услышанную ими от египетских жрецов (Plato. Tim. 21c). Но у Солона не хватило сил довести этот труд до конца, Платон же, начав его, окончил жизнь раньше, чем это сочинение (Plut. Sol. XXXI, XXXII).

До нас не дошли сведения о проксениях этого рода. Однако, помня о традиции, утверждавшей, что сыновья Кодра были основателями многих ионийских городов в Малой Азии и что память об этом сохранялась (например, в Эфесе потомкам Андрокла, сына Кодра, даже во времена Страбона оказывались «царские», хотя и чисто номинальные, знаки уважения – Strabo. XIV. 633), можно предположить, что представители афинских Кодридов имели особо тесные связи с родственниками некоторых городов Ионии (у которых могли останавливаться в своих частых путешествиях на Восток).

Об особой политической линии семьи Кодридов нам мало что известно. Вряд ли в целом они были страстными политиками, имевшими свой особый политический курс, как, скажем, Алкмеониды. Все же, не проводя определенного политического курса, Кодриды, конечно, имели свои политические взгляды. Они не были «непримиримыми» и последовательными проводниками аристократической идеи, как, на-

пример, Филаиды: об этом свидетельствуют их браки с активными деятелями Периклова окружения. И все же, я полагаю, что Кодриды придерживались скорее аристократических взглядов: Солон, будучи «отцом» афинской демократии, тем не менее выступал за правление «лучших» (βέλτοιοι), предоставив народу право принимать участие в выборе должностных лиц и в принятии отчета об их деятельности, но самого к занятию должностей не допустил (Arist. Pol. 1281b30–35)²⁹. Сам Солон в поэтической форме говорит об этом так: «Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен, не сократил его прав, не дал и лишних зато» (Sol. fr. 5B).

Критий III противостоял Фемистоклу, вероятно, как сторонник аристократической партии. Его сын Каллехр был в правительстве 400. Его внук Критий стал лидером 30 тиранов. Платон и его родственники были близки к олигархическим кругам, и хотя сам Платон не принимал непосредственного участия в олигархическом перевороте, руководимом его дядей Критием, поначалу он явно сочувствовал ему. В VII Письме (подлинность которого не вызывает сомнения) философ вспоминает об этом перевороте и его лидерах: «Некоторые из них были моими родственниками и хорошими знакомыми. Они тотчас же стали приглашать к себе и меня, считая это для меня вполне подходящим делом. Я же, будучи молод, не видел во всем этом ничего необычного. Ведь я был убежден, что они отвратят государство от несправедливости и, обратив его к справедливому образу жизни, сумеют его упорядочить и потому с большим интересом наблюдал за ними: что они будут делать?» (Ep. 7. 234) И что, как не аристократия, – идеальное государственное устройство Платона, далекое, правда, от реалий настоящей жизни? Сам Платон прекрасно осознавал это: разбирая виды государственного устройства, он писал: «Я утверждаю, что одним из таких видов государственного устройства будет только что разобранный нами, но назвать его можно двояко: если среди правителей выделится кто-нибудь один, это можно назвать царской властью (Βασιλεία), если же правителей несколько, тогда это будет аристократия (ἀριστοκρατία)... Хорошим и правильным я называю именно подобного рода государство и государственное устройство...» (Resp. 445d–449a). Подобная же мысль высказывается в диалоге «Политик»: «Единственно правильное государственное устройство следует искать в малом – среди немногих или у одного, все же прочие государства будут лишь подражаниями...» (Plato. Politic. 297b–c). Наконец, из рода Кодридов вышел самый, пожалуй, рьяный ненавистник демократии (в том виде, какой она приобрела со времени Пелопоннесской войны) – Критий³⁰.

Критий был, наверное, самой противоречивой личностью в роду. В какой-то степени Крития можно назвать *enfant terrible* рода, поскольку он, в отличие от других, оставил о себе в Афинах не самую добрую память. Как и Хармид, Критий входил в число учеников Сократа; Платон делает его участником нескольких своих диалогов, один из которых даже называет его именем («Критий», «Тимей», «Хармид», «Эриксий»). Как пишет Цицерон про Крития и Алкивиада – «несомненная их ученость и красноречие разве не были приобретены в беседах с самим Сократом?» (Cic. De orat. III. 139). Высоко оценивал образованность Крития Платон: «Что касается Крития, то уж о нем-то все в Афинах знают, что он не невежда ни в одном из обсуждаемых нами предметах» (Plato. Tim. 20b). Истинный представитель своего рода, знатный и богатый человек (Xen. Mem. II. 25), Критий получил прекрасное образование, был известен как философ и поэт. До нас дошли фрагменты его сочинений – части элегий и политических памфлетов-политий (Афинская, Лакедемонская, Фессалийская). По своим политическим взглядам Критий был поклонником Спарты и наилучшим государственным строем считал лакедемонский (Xen. Hell. II. 3. 34).

²⁹ Аристотель приближал солоновский строй к своему идеалу – аристократии и политике (Pol. 1281b35–1309a).

³⁰ О политической деятельности и трудах Крития подробно см. Stephans D. Critias, Life and Literary Remains. Cincinnati, 1939.

По религиозным убеждениям Критий был атеистом³¹: Плутарх пишет о нем и о Диагоре, что они не уважали богов – μήτε τινά θεῶν νομίζευν (De superst. 171 С 4). Секст Эмпирик в IX книге (IX. 2) приводит стихи Крития, в которых тот доказывает, что «...бога выдумал некий ученый и хитрый муж (τύκνος τις καὶ σοφὸς γυνώμην ἀνήρ), чтобы воспрепятствовать тайным дурным помыслам; тем самым он скрыл истину под маской лжи». Очевидно, подобные убеждения Крития повлияли на его дальнейшую деятельность.

Первоначально учась у Сократа, Критий впоследствии перешел к софистам, посещая школу Горгия. Однако Критий не ограничился философскими рассуждениями. Будучи человеком честолюбивым и властным, он энергично включился в политическую жизнь Афин. Ксенофонт пишет про Крития и Алкивиада: «Как известно, оба они по натуре были самыми честолюбивыми людьми в Афинах: они хотели, чтобы все делалось через них и чтобы все говорили о них» (Mem. I. 2. 12). Общение с Сократом Крития и Алкивиада Ксенофонт приписывает их желанию «стать очень ловкими ораторами и дельцами», ибо «...как только они почувствовали свое превосходство над товарищами, они сейчас же отпрянули от Сократа и предались государственной деятельности, ради которой они и примкнули к Сократу» (ibid. 16). Позже Критий даже рассорился с Сократом, о чем вспоминает тот же Ксенофонт: «Сократ... сказал, что у Крития, как ему кажется, свинская наклонность: ему хочется тереться об Евтидема, как поросята трутся о камень. С этого-то времени и стал ненавидеть Сократа Критий: будучи членом коллегии 30 и попав в законодательную комиссию с Хариклом, он припомнил это Сократу и внес в законы статью, воспевающую преподавать искусство слова» (Xen. Mem. I. 2.30).

В 415 г. Критий каким-то образом был замешан в деле гермокопидов, что неудивительно, если принять во внимание его дружбу с Алкивиадом и участие в гетериях (Lys. XII. 43). В 411 г. Критий был одним из 400 олигархов и должен был принять спартанцев в укрепленной крепости Этионии ([Dem.] LVIII. 67; Thuc. VIII. 90). Правда, тогда Критий еще не играл ведущей роли среди олигархов, так как находился не в ладах с Фринихом, лидером 400, после падения олигархии не бежал из Афин, а предлагал вызвать Алкивиада, соперника Фриниха (Thuc. VIII. 973; Plut. Alcib. 33). Позже все-таки Критий был выслан демократами в Фессалию (Xen. Hell. II. 3.15; 36; Arist. Rhet. 1357 b 32). По Ксенофонту, в Фессалии он также включился в политическую борьбу, помогая создавать демократию и поднимать пенестов против их господ (Xen. Mem. 336). Правда, я не склонна доверять этому сообщению Ксенофонта, вложенному им в уста Ферамена, политического противника Крития; я считаю его лишь демагогическим приемом Ферамена (или Ксенофонта, не симпатизировавшего Критию). Знатный аристократ, олигарх, проспартанец, Критий вряд ли мог помогать демократам, да еще с помощью пенестов. К тому же сохранилось свидетельство Филострата, который утверждает, что в Фессалии Критий общался с олигархами и клеветал на афинский государственный строй (Vit. Crit. Carm. 10). Восстание же пенестов состоялось раньше, в 423–424 гг. (Aristoph. Vesp. 1263; Nub. 691).

Наконец, вернувшись в Афины после капитуляции в 404 г., Критий стал лидером 30 тиранов (Xen. Hell. II. 3; Lys. XIII. 53; Aesch. I. 173; Dem. XXIV. 90) и, по словам Ксенофонта, «превосходил всех корыстолюбием, кровожадностью» (Mem. I. 2.12). Ксенофонт же описывает раскол среди олигархов на крайних (Критий) и умеренных (Ферамен) и убийство Ферамена партией Крития (Xen. Hell. III. 50–56). Под его давлением олигархи установили в Афинах настоящий террор – Критий был беспощаден к врагам (Xen. Hell. II. 3.15; Arist. Ath. pol. 35.4). В. Бузескул сравнивал Крития с Робеспьером: во имя идеи, которая казалась им справедливой, оба они не останавливались перед кровавыми казнями³². Критий, безусловно, был одержим идеей, которая

³¹ Я считаю правомерным употребление этого термина, обозначающего человека, отрицавшего богов и веру в богов. По мнению Э.Д. Фролова, «атеизм, как правильно сформулированная и научно обоснованная теория, начинает свое существование именно с софистов» (Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1991. С. 162).

³² Бузескул В. Афинская демократия. Харьков, 1920. С. 162.

ему могла казаться «благородной» – защитой аристократов и аристократического образа правления, Эта идея была весьма популярна среди части аристократов. Так, неизвестный автор «Афинской политики» заявляет: «Но кто, не принадлежа к народу, предпочитает жить в демократическом, а не в олигархическом государстве, тот просто задается какими-нибудь преступными намерениями и видит, что мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» ([Xen.] AP. II. 20). Несомненно, эта идея обсуждалась в гетериях, и Критий был лишь ее исполнителем, доведшем идею до реализации и «абсурдного» конца. Мы можем предположить, что в гетериях принимал участие и юный Платон; я уже цитировала признание философа в том, что он «был убежден, что они отвратят государство от несправедливости» (Ер. 7. 324d). В «Греческой истории» Ксенофонта Критий провозглашает: «Для таких людей, как мы с вами, демократический строй, конечно, крайне тягостен и невыносим, вдобавок лакедемонянам, даровавшим нам жизнь и свободу, сторонники народовластия покои века были врагами, тогда как благонадежные слои населения были всегда им преданы» (Xen. Hell. II. 3. 25). Кого имеет в виду Критий, говоря о «благонадежных слоях населения»? Скорее всего, аристократов, не вступивших в сотрудничество с крайними демократами, лаконофилов, в которых жив был еще дух Кимона. Вероятно, именно к таким людям принадлежал Хармид, брат Крития, образованный юноша, входивший в круг Сократа, укловнявшийся от политики, но, тем не менее, вступивший в правительство в 30. Критию удалось привлечь его к своей борьбе, так что в бою при Мунихии погибли оба Кодриды: и Критий, и Хармид (Xen. Hell. II. 4.10–19).

«Благородная» цель, как это часто бывает в террористических режимах, в конце концов привела к массовым казням и гибели самого зачинщика. Друзья поставили Критию памятник, изображающий Олигархию, поджигающую факелом Демократию, с надписью

μνημα τόδ' ἐστ ἀνδρῶν ἀγαθῶν οἱ τὸν κατάρατον
δῆμον' Αθηναίων ὀλίγον χρόνον ὕβριος ἔσχον

(Schol. Aeschin. I. 39).

Обращает на себя внимание тот факт, что основное неприятие Крития исходит от Ксенофонта. Остальные авторы упоминают его или мимоходом (Аристотель) или даже доброжелательно (Платон). Любопытно, что в пору, когда память о Критии как о жестком тиране была еще жива, Платон осмелился сделать его участником своих диалогов и отзывался о нем с неизменным уважением. Возможно, в сочинениях Ксенофонта сказалась какая-то личная вражда или неприязнь автора, честного и прямого по характеру, к многоликому и противоречивому аристократу³³, талантливому, но неразборчивому в средствах, выдающемуся среди товарищей, но чересчур честолюбивому и потому дошедшему до крайней жестокости. Характером и многогранностью натуры Критий чем-то схож с Алкивиадом – недаром многие авторы ставят их вместе (Xen. Mem. I. 2.12; 24–39; Cic. De orat. III. 139; Aelian. II. 13). Прокл в схолиях к Платону пишет о Критии: Κριτίας ἦν μὲν γενναῖος καὶ ἀδράς φύσεως, ἤπτετο δὲ καὶ φιλοσόφων συνουσιῶν καὶ ἐκαλεῖτο ἰδιώτης μὲν ἐν φιλοσόφοις φιλόσοφος δὲ ἐν ἰδιώταις – «Критий был человеком благородного и прямого характера, занимался философией и считался дилетантом среди философов и философам среди дилетантов» (Schol. Plato. Tim. 20a 9).

Итак, мы рассмотрели историю рода Кодридов – одного из самых, пожалуй, древних родов в Афинах. Кодриды прославились своим пристрастием к философии и поэзии, дав миру двух выдающихся философов – Солона и Платона; да и заурядные представители этого рода были склонны к подобным занятиям³⁴. В политической

³³ Заметим, что Ксенофонт также принадлежал к аристократическому кругу, был лаконофилом и поддерживал олигархов.

³⁴ Интересно сравнить Кодридов с другим старинным афинским родом – Филаидами, представители которого были склонны в основном к воинским занятиям: см. *Ленская В.С.* Филаиды – род афинских «воинов» // *Античность Европы*. Пермь, 1996.

жизни Афин Кодриды в целом выступали за аристократический образ правления. Сохранившаяся генеалогия обрывается на Спевсиппе – популярном в древности философе; дальнейшая история рода нам не известна.

THE CODRIDAE FAMILY OF ATHENS

V.S. Lenskaya

The article is devoted to one of the oldest Athenian families – the Codridae. Their genealogy is described from Solo up to Speusippus, their roots are traced up to the migrants from Pylos, the last Athenian kings Melanthus and Codrus. The author considers political attitudes of the family, including their adherence to aristocratic rule. Political activities of Tyrant Critias, one of the most active politicians in the family, are treated in greater detail. The author pays due attention to the fact that almost all of the Codridae were fond of philosophy and poetry and that this family produced such great personalities as Solo and Plato. Education, lifestyle and occupations of the Codridae are considered as well.

© 2003 г.

Н.Ф. Федосеев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ АФИНСКОЙ КЛЕРУХИИ В СИНОПЕ*

Об афинской клерухии в Синопе известно из свидетельства Плутарха о походе Перикла на Понт. Плутарх пишет: «(Перикл) вошел в Понт с большой и прекрасно снаряженной эскадрой, выполнил все, о чем его просили греческие города, и обошелся с ними гуманно, а живущим по соседству варварским племенам, их царям и династам он продемонстрировал могущество Афин, безнаказанно и смело направляющих свои корабли куда им вздумается и подчинивших себе все море. А синопейцам он предоставил тринадцать кораблей под начальством Ламаха, а также воинский отряд для действий против Тимесилая. Когда же тиран был изгнан вместе с его партией, Перикл добился постановления народного собрания об отплытии в Синопу шестисот добровольцев афинян для поселения их там вместе с жителями Синопы, причем им предоставлялось поделить между собой дома и земли, прежде принадлежавшие тиранам» (Plut. Pericl. 20. 1–2).

Между тем, ряд исследователей, занимающихся вопросом об афинских клерухиях, ставят под сомнение свидетельство Перикла. Итальянская исследовательница П. Феррарезе отрицала историчность понтийской экспедиции Перикла и считала его пропагандистской фабрикацией IV в. до н.э.¹ Г. Маттингли отрицает наличие афинских поселений в Синопе, Амисе и Астаке². Эти построения получили критику со стороны Ю.Г. Виноградова³ и И.Е. Сурикова⁴. Вместе с тем характерно, что в работах И. Барцу⁵, Н. Саломон⁶, как и в ряде других, нет упоминания о клерухии в Си-

* Работа выполнена в сентябре 2000 г. во Французской школе в Афинах благодаря стипендии EFA.

¹ Ferrarese P. La spedizione di Pericle nel Ponto Eusino // *Contributi dell'Istituto di storia antica*. II. Milano, 1974. P. 7–19.

² Mattingly H.B. Athens and the Black Sea in the Fifth Century B.C. // *Sur les traces des Argonautes*. P., 1996. P. 151–157.

³ Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. Ч. 1 // ВДИ. 1981. № 2. С. 67.

⁴ Суриков И.Е. Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 101–102.

⁵ Βαρτσου, Ιωάννου Α. Ἀθηναί καὶ Κληρουχία. Αθήναις, 1972.

⁶ Salomon N. Le cleruchie di Atene. Pisa, 1997.